

УДК: 81'42

Кривенькая М.А.

Военный университет Министерства обороны РФ (г. Москва)

**УПРАВЛЕНИЕ РЕЧЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ПАРТНЁРА
ПРИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИМПЛИЦИТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ**

М. Krivenkaya

*Military University at the Defense Ministry
of Russian Federation, Moscow*

**MANAGEMENT OF PARTNER'S VERBAL BEHAVIOR
BY IMPLICIT SOCIAL THEORIES VERBALIZATION**

Аннотация. В статье показано, какое речевое воздействие на адресата оказывает введение адресантом в диалогическую речь реплик, семантически соотнесённых с имплицитными социальными теориями. Рассмотрены факторы, влияющие на управление речевым поведением партнёра в ходе диалогического дискурса социальной направленности. Представлены сценарии развития диалогической речи с вербализацией элементов имплицитных социальных теорий. Особое внимание уделено феномену смещения смысла. Сделан вывод, что управление речевым поведением партнёра с помощью вербализации имплицитных социальных теорий является частным проявлением общего феномена речевого воздействия, при котором особенно ярко выражены неречевые задачи, связанные с трансформацией социальных отношений в процессе коммуникации.

Ключевые слова: речевое воздействие, управление речевым поведением, имплицитные социальные теории, доминантные сценарии, контрсценарий, интерактивная природа диалогического дискурса.

Abstract. The article shows what kind of verbal impact is produced when an addresser includes into dialogue phrases semantically related to implicit social theories. Factors affecting management of partner's verbal behavior during the dialogue discourse are examined. Scenarios for development of dialogue speech with implicit social theories elements verbalization are given. Special attention is paid to the phenomenon of sense shifting. The author comes to the conclusion that the control over partner's verbal behavior with the help of implicit social theories verbalization is a part of general phenomenon of verbal influence where non-verbal tasks connected with the transformation of social relations during communication are strongly emphasized.

Key words: verbal influence, control over verbal behavior, implicit social theories, dominant scenarios, contra-scenario, interactive nature of dialogue discourse.

Интерактивная сущность диалога, внешним проявлением которой является чередование реплик, предполагающих кодирование и декодирование смысла в предлагаемом контексте, подразумевает постоянное взаимодействие его участников на разных уровнях – коммуникативном, когнитивном, психологическом, эмоциональном. Вербализация элементов имплицитных социальных теорий, как и любых имплицитных представлений, при построении диалога выявляет внутреннюю способность адресанта ориентироваться на особенности когнитивного диапазона адресата, а также учитывать психологические особенности участников диалога и контекстных условий его протекания. Управление речевой деятельностью и речевым поведением собеседника с помощью вербализации элементов имплицитных суждений является частным проявлением общего феномена речевого воздействия в процессе коммуникации.

Речевое воздействие принято понимать в широком и узком смыслах. Часто под ним подразумевается регуляция деятельности одного человека другим при помощи речи. Большинство спе-

циалистов ссылаются на определение, данное П.Б. Паршиным, в котором речевое воздействие представлено как «воздействие на индивидуальное и/или коллективное сознание и поведение, осуществляемое разнообразными речевыми средствами... с помощью сообщений на естественном языке» [11, с. 19].

Однако существует и более широкое определение речевого воздействия как любого речевого общения, взятого «в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности» [12, с. 3]. В данном русле управление речевым поведением партнёра в процессе речевого взаимодействия понимается как составляющая социального взаимодействия: «управление является важнейшей стороной речевой коммуникации как процесса организации социального взаимодействия» [13, с. 219].

С точки зрения лингвистов, речевое воздействие может быть описано как передача смыслов от адресанта к адресату, как коммуникативное взаимодействие, как частный случай языковой манипуляции и др. [9; 10; 13]. На основе разных подходов выявляются многочисленные механизмы речевого воздействия, соответствующие различным типам дискурса. Во многих из них как один из самых действенных выделяют механизм *смещения смысла*.

В рамках настоящей статьи для описания речевого воздействия представляется необходимым обратиться к общей теоретической модели, разработанной А.А. Котовым [9]. Согласно этой модели, речевое воздействие можно представить как влияние текста на определённый набор эмоциональных реакций слушателя, вследствие чего активизируются так называемые *доминантные сценарии*, предопределяющие понимание текста адресатом. Любой представленный текст обрабатывается адресатом рационально и эмоционально, и, как правило, именно благодаря присутствию, помимо когнитивного, также эмоционального компонента, в процессе обработки текста адресатом происходит так называемое *смещение смысла*.

В русле представленной модели можно сказать, что с помощью введения в диалогич-

ческую речь элементов имплицитных социальных теорий (ИСТ) адресант оказывает на адресата особое речевое воздействие, поскольку с учётом интерактивной природы диалогического дискурса он «может модифицировать представление адресата о некоторых объектах реального мира или транслировать адресату некоторый смысл, не выраженный в тексте непосредственно» [8, с. 3].

Ход диалога как коммуникативного акта определяется тем, какой сценарий – рациональный или эмоциональный – преобладает в распознавании адресатом смысла реплики, семантически соотнесённой с ИСТ. Поэтому адекватность оценки адресантом особенностей когнитивного диапазона участников диалогического дискурса и их способности выбирать тот или иной сценарий (или их комбинацию) определяет успешность реализации интенции адресанта и таким образом обеспечивает управление речевой деятельностью его партнёров.

Приведем ряд примеров, в которых речевое воздействие с помощью реплик с элементами ИСТ оказывает на участников диалога разный эффект по причине преобладания у них либо рационального, либо эмоционального сценария распознавания смысла сказанного.

– *А вот у меня есть пациент, – вступил <...> доктор, – так он создаёт сейчас альтернативную Русскую партию. И знаете – каков основной пункт предвыборной программы? <...> Основной пункт – освобождение Израиля от коренных израильтян.*

Все дружно ахнули, посмаковали, полюбовались этой изумительной идеей. <...>

– *И что ты ему прописал? – спросила писательница N [2, с. 61].*

Данный диалог демонстрирует два разных варианта реакции его участников на реплику инициатора дискурса социальной направленности. Аудитория-адресат единодушно восприняла представленную в реплике идею как интересную, необычную, исключительно оригинальную, продемонстрировав тем самым эмоциональное восприятие смысла услышанного, на что, по всей видимости, и

рассчитывал отправитель сообщения. При активной эмоциональной реакции произошло пассивное понимание смысла сказанного большинством аудитории. Заложённая в реплику интенция говорящего на создание эффекта оригинальности реализовалась успешно, планируемое речевое воздействие путём вербализации элементов ИСТ третьего лица состоялось.

Ответная же реплика-вопрос единичного адресата (*писательница N*) демонстрирует активное понимание смысла сказанного адресантом на основе применения уже рационального сценария распознавания. Этот сценарий, используя терминологию А.А. Котова, можно считать *денотативным*, поскольку он помог реципиенту (с опорой на способности своего когнитивного диапазона) распознать заложенную в реплике интенцию отправителя сообщения произвести эмоциональный эффект на аудиторию. Ответная реплика-вопрос со стороны данного адресата (являющаяся не социально ориентированной, но имплицитной, поскольку её референция указывает на полную абсурдность высказанной идеи) представляет собой не только активное понимание смысла, но также декодирование интенции адресанта и, как следствие, – перехват инициативы в дальнейшем ведении диалога.

В приведённом примере адресант столкнулся с так называемым *контрсценарием*, актуализация которого у адресата является нежелательной для адресанта: «... в любой коммуникации, включая речевое воздействие, адресант стремится избежать активизации контрсценариев у адресата» [8, с. 12].

В следующем примере также происходит переход инициативы от адресанта к адресату через активизацию контрсценария со стороны адресата.

– *Как хотите, на этот раз России конец, – сказал подошедший Аганов. – Да и на что, собственно, жаловаться? Не всё же жить. Надо когда-нибудь и умирать. Государства умирают как люди. Где Ассирия, Вавилон, Египет? Где Рим?*

– *Да где-то здесь должен быть, – сказал Тимофей. – Куда он денется.*

Аганов повернулся к нему с удивлением на лице:

– *Какой же это Рим?*

– *Ну какой-какой? <...> Третий.*

– *А-а, – сказал Аганов, – вы в этом смысле* [4, с. 124].

Как видим, специфика этого диалога заключается в том, что, в отличие от предыдущего, здесь контрсценарий разворачивается в рамках сценария, заданного инициатором диалога, представляющим вербально свои имплицитные суждения о судьбах империй и законах развития и гибели цивилизаций. Реципиент остаётся «в поле действия» реплики, семантически соотнесённой с указанной ИСТ, – его ответная реплика демонстрирует развитие сюжета, т. е. она не является *антифразой*. Однако, несмотря на это, ироническое высказывание является здесь имплицитной негативной реакцией и выполняет роль «косвенного речевого акта отрицательной оценки» [14]. Данный контрсценарий помог адресату «сбить» определённую патетику побудительной реплики адресанта и вывести весь разговор за рамки полемики дискурса. Одновременно с этим диалог исчерпал себя содержательно, произошло смещение смысла. В результате инициатор дискурса утратил инициативу и к концу диалога поменялся с реципиентом ролями.

В связи с вышеизложенным хотелось бы упомянуть и общую характеристику *коммуникации манипуляции*, которую дал в своей «Теории виртуальности» С.А. Дацюк. В рамках этой теории коммуникация манипуляции связывается с так называемой «ревитуализацией первоначального содержания», т. е. преобразованием его и предоставлением для дальнейшей коммуникации в таком виде, чтобы он вмещал «изменённую коммуникционную цель для аудитории, которая подвергается манипуляции» [7, с. 384-385]. Наряду с этим, по мнению автора, полный вид коммуникации вмещает ещё и «потерю первоначальной смысловой, ценностной или целевой самоидентификации коммуниканта, на которого направлена манипуляционная целевая коммуникация» [7, с. 384-385].

Наиболее полно перечисленные аспекты управления речевой и коммуникативной деятельностью партнёра проявляются в случае участия в диалогическом дискурсе с вербализацией элементов ИСТ более чем двух человек.

– ... Ты, братец, **солицист, а не марксист.**

Богомоллов испуганно заморгал. Он не знал, в чём его обвиняют, потому что не понимал значения слова. Благодаря этому всё обернулось шуткой... [4, с. 44].

Очевидно, что разница в пресуппозиционных составляющих когнитивной базы участников дискурса не позволила адресату адекватно воспринять послание с элементами вербализации имплицитного представления об идеалистах и материалистах. Судя по реакции реципиента (Богомоллова), импликация не оказалась результативной по причине отсутствия в его когнитивной базе «средств», достаточных для её декодирования. Однако, возможно, подобная реакция со стороны адресата была уже заложена в интенцию инициатора сообщения при вербализации ИСТ. Скорее всего, при разговоре присутствовали другие люди, на реакцию которых, с учётом эмоционально-психологического контекста, и рассчитывал отправитель сообщения. В данной ситуации расчёт на денотативный (эмоциональный) сценарий распознавания представленного текста с элементами ИСТ оказался оправданным. Из примера мы видим, что всё закончилось шуткой, т. е. мирно и благоприятно с точки зрения общей атмосферы, в которой происходил этот дискурс.

В данном примере прагматическая составляющая диалога включала учет адресантом общей ситуации и условий коммуникации, наличие других, «косвенно-целевых», реципиентов и их реакции на реплику, адресованную прямому целевому адресату. В этом контексте интегративная результативность дискурса оказалась довольно высокой – уровень потенциальной конфликтности ситуации был значительно снижен и даже, возможно, нейтрализован.

Данный диалог являет собой пример так называемого *нулевого сценария* – случая

умолчания некоторой смысловой части информации. «Реконструируя мнимые нулевые сценарии, адресант может приписать лицу, против которого направлено воздействие, произвольные суждения, что, в свою очередь, рассматривается как одно из средств воздействия» [8, с. 12].

Результативность вербализации реплики с элементами ИСТ, как мы видим, может рассматриваться с точки зрения достижения целей разного уровня – общей и специфической, стратегической и тактической, долгосрочной и краткосрочной. Предыдущий пример показал, что реплика с вербализацией элементов ИСТ, не нашедшая адекватной импликатуры со стороны реципиента по причине несовпадения элементов его когнитивной базы с элементами когнитивной базы адресанта, тем не менее оказалась результативной благодаря уместности высказывания (с учётом общей ситуации, в которой разворачивался коммуникативный акт). Однако бывают и другие варианты.

Примером прагматической нерезультативности выдвинутого контрсценария со стороны адресата является следующий диалог:

*ВАРВАРА. Вспомните мои слова – всё это закончится полной **катастрофой!***

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА. Вавочка! Присядь, и не принимай так близко к сердцу. Откуда этот мрачный взгляд на вещи? Где ты видишь катастрофу? Есть новые силы! Новое поколение! Они трудятся, зарабатывают. <...> Они поднимут страну!

*ВАРВАРА. Не поднимут. Эти – не поднимут! И через миллион лет она будет всё та же! Это **катастрофа!*** [3, с. 148]

Как видим, в отличие от предыдущего, в данном диалоге элементы когнитивных баз адресанта и адресата, позволяющие декодировать реплики друг друга, совпадают. Адресат (Наталья Ивановна) распознаёт интенцию адресанта (Варвары), её ответная реплика семантически и функционально соотносена с предыдущей: она предлагает альтернативное понимание ситуации, охарактеризованной как «катастрофа». Адресат комбинирует тактику уступки, поскольку принимает в целом предложенную адресантом тему социальной

нестабильности, с тактикой убеждения, в данном случае – в возможности иного, позитивного взгляда на обсуждаемую ситуацию. Однако контр-сценарий адресата оказывается недостаточно активизированным, чтобы обеспечить переход инициативы от адресанта. Последний выдвигает антитезу, которая закольцовывает диалог семантически и усиливает общую атмосферу крайней эмоциональности.

Управление речевым поведением партнёров в процессе диалогического дискурса и, соответственно, выбор средств воздействия на них зависят также от «реального характера намерений и установок, преобладающих в данный момент во внутреннем мире инициатора сообщения» [6, с. 60].

– *Еврей, что ли?*

– *Какой, на фиг, еврей? Немец. Сама не видишь?*

– *Немцы хорошие, – мечтательно сказала девочка. – У них золотые руки.*

– *Для газовых камер.*

– *Я бы за такого пошла. У него, наверно, и деньги водятся* [1, с. 25].

Внутренняя установка девочки на состоятельность потенциального избранника определила и её речевое поведение – полное игнорирование аргумента собеседника, в котором выражен коллективный исторический опыт народа, пережившего ужасы Второй мировой войны, по-видимому, не коснувшейся этой девочки.

Таким образом, анализ диалогов показывает, что с помощью введения в диалогический дискурс элементов ИСТ можно оказывать на собеседника речевое воздействие, которое будет менять (полностью или частично) речевое и коммуникативное поведение участников диалога. В процессе речевого воздействия с целью управления речевым поведением партнёра могут быть выдвинуты ответные контр-сценарии, которые, в свою очередь, способны изменить ход и результативность диалога. В данном контексте первостепенную роль играют правильный учёт особенностей обстановки и условий, в которых разворачивается коммуникация, и ориентация на адекватность элементов когнитивной базы партнёров.

Какими бы ни были результат диалога – промежуточным или окончательным – и степень реализации интенций его инициатора, в любом случае введение в диалогическую речь элементов имплицитных социальных теорий может оказывать такое речевое воздействие на партнёра, при котором его когнитивный диапазон подвергается «проверке» на соответствие поставленной задаче распознавания смысла реплики, соотнесённой с ИСТ. Сущность речевого воздействия в данном случае заключается в таком использовании языка, при котором «в модель мира реципиента (слушателя, читателя) вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [5, с. 31]. Степень совпадения у коммуникантов образов когнитивного и психологического портрета друг друга в представленных обстоятельствах создаёт «интерактивную ситуативную базу речевой коммуникации» [13, с. 65], которая определяет способ и формы её построения и существенным образом влияет на действия коммуникантов, направленные на реализацию поставленных целей.

Учитывая интерактивную природу диалогического дискурса, в ходе которого партнёры проявляют себя как речевые и коммуникативные личности, а также тот факт, что представления о социальном устройстве мира и самих себя как социализированных личностей являются неотъемлемой частью когнитивного диапазона последних, можно утверждать, что вербализация в ходе диалогической речи элементов имплицитных социальных теорий играет существенную роль в управлении речевым поведением партнёра. Особенно важен этот процесс при реализации задач неречевого воздействия, которые напрямую связаны с социальным взаимодействием в процессе коммуникации. Правильно понятая функциональная составляющая ИСТ может помочь в прогнозировании коммуникативной ситуации и оптимальной организации диалогического дискурса для достижения поставленных целей. Поэтому исследование стратегии и тактики речевого поведения в ходе диалогического дискурса с вербализацией имплицитных социальных

теорий представляется одним из наиболее актуальных и перспективных направлений развития данной проблематики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники языкового материала:

1. Арабов Ю.Н. Орлеан: роман. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 219 [5] с.
2. Рубина Д. Миф сокровенный...: повесть; рассказы. – М.: Эксмо, 2011. – 432 с.
3. Улицкая Л. Русское варенье и другое. – М.: Эксмо, 2008. – 256 с.
4. Уткин А.А. Крепость сомнения: роман. – М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. – 508 [4] с.

Литература:

5. Власян Г.Р. Природа речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 31-34.
6. Гусев С.С. Ситуативность коммуникативных действий [Текст]: научное издание // Вопросы философии: научно-теоретич. журнал/ РАН, Ин-т философии. – 2008. – № 7. – С. 51-60.

7. Дацюк С.А. Теория виртуальности [Электронный ресурс]: Интернет-книга, версия 29.07.2008 – оригинал. – Киев, 2008. – 470 с. – URL: <http://www.uis.kiev.ua/xyz/tv.htm> (дата обращения: 14.09.2012).
8. Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 24 с.
9. Котов А.А. Описание речевого воздействия в лингвистической модели // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. Диалог' 2003. – М.: Наука, 2003. – С. 299-304.
10. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные сферы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – С. 55-73.
11. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19-42.
12. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: сб./ Под ред. Ф.М. Березина и Е.Ф. Тарасова. – М.: Наука, 1990. – 136 с.
13. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.
14. Слепцова М.А. Ирония как косвенный речевой акт отрицательной оценки: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 18 с.